

Василий Михайлович Песков
Полное собрание сочинений.
Том 23. Лесные жители
Серия «Василий Песков. Полное
собрание сочинений», книга 23

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12195361

Полное собрание сочинений. Том 23. Лесные жители: «Комсомольская правда»; Москва; 2014

ISBN 978-5-87107-906-5

Аннотация

Этим томом, 23-м, мы завершаем собрание сочинений известнейшего журналиста «Комсомольской правды», автора легендарной рубрики «Окно в природу», писателя и телеведущего, большого знатока природы Василия Михайловича Пескова.

Содержание

Предисловие	6
2005	10
Текущий к Дону Хопёр	10
Дела семейные	19
2006	27
Жар-птица	30
Неделя в Голландии	36
Таежный тупик	49
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Василий Песков
Полное собрание
сочинений. Том 23.
Лесные жители
2005-2009

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Главная ценность в жизни – сама жизнь».
В. Песков

Предисловие

Вот мы и заканчиваем собрание сочинений Василия Михайловича Пескова. 2009 годом, хотя ушел он от нас в 2013 году. А рубрика «Окно в природу» выходит в «Комсомолке» каждую неделю до сих пор в память о Василии Михайловиче.

Почему 2009 год?

Мы много обсуждали с внуком Пескова Дмитрием, как быть. Ведь именно в том году произошло несчастье – у Василия Михайловича случился инсульт. В метро, он куда-то ехал и упал. Мы до сих пор не знаем, почему его отвезли в больницу как неизвестного, и внук, и мы его искали как могли.

Василий Михайлович поднялся. Он со всегдашним крестьянским упорством взялся за этот свой недуг. Сперва ясно мыслил, но плохо говорил, было видно, как слова просто не успевают за его желанием что-то сообщить, обсудить и даже пошутить.

Он блестяще загнал инсульт в угол. И начал работать. Но только оговорил условие: «Извините, друзья, я вряд ли что-то новое напишу. Но «Окно» будет выходить, это я вам обещаю. Возьму старые заметки, как-то соединю, подправлю...» И это было, как всегда, по-песковски честно. Он не мог без газеты, а читатели

«Комсомолки» – без него. Так что сам он отмел остаток 2009 года и остальные годы до своего ухода как полноценные творческие. Скорее считал их рабочими, хоть и трудными из-за болезни. И низкий ему поклон за мужество, с которым он продолжал вести свою главную рубрику, разбирал архивы, фотографии, приходил в «Комсомолку».

Вот такой рубеж. И здесь мы мысленно все-таки не ставим точку, а скорее – многоточие в его трудах.

Именно в эти последние несколько лет он стал думать о том, что и как будет «потом»...

Из Мордовии с помощью друзей привез на свою родину камень – на поле неподалеку от села Орлово под Воронежем.

Почему к этому полю? А в военном своем детстве ходил в окаймлявшие его рощи с мамой за дровами. Очень любил здесь гулять всю жизнь.

На камне попросил написать: «Главная ценность жизни – сама жизнь». Вы видите это на фото, открывающем эту книгу. И здесь, на поле, завещал развеять свой прах.

Наверное, впервые он подумал об этом, когда писал о Константине Симонове. Там есть абзац о том, что Симонов завещал развеять свой прах на поле под Могилевом, где видел в 1941-м бои, о которых рассказал в романе «Живые и мертвые».

Воля Василия Михайловича была исполнена. А на камне под словами о жизни появилась его подпись: «В. Песков». Так что вот есть теперь поле Пескова.

Именем его названы Воронежский государственный природный заповедник, школа, гимназия, библиотека и улица.

А всем, кто помнит Василия Михайловича и с удовольствием читает его книги, заметки – на прощание привет от него.

Вот так он надписывал книги лучшим друзьям: птичка, вьющая гнездо из редющих прядей с головы Василия Михайловича. Он сам изобрел этот забавный автограф!

Забавный, конечно, но и с бодрым подтекстом, как и все у Мастера: годы уходят, я-то лысею, но птица вьет гнездо, будут птенцы, значит, жизнь продолжается. Во всяком случае так однажды сам «дед Василий» сказал, выводя на очередной своей книге этот добрый рисунок...

Добра вам и удачи!

**Андрей Дятлов, заместитель главного редактора
«Комсомольской правды».**

Dez Braxton
Indigo
Banyan 2009

2005

Текущий к Дону Хопёр

Окно в природу

Минувшее лето выдалось безразмерным. Сентябрь был теплым, ясным и без дождливых дней – обычное лето перетекло в бабье. Сушь приглушила осенние краски, местами листва на деревьях не желтела, а жухла. Долго летели на серебристых нитях осенние паучки, шорох в лесу вызывала даже бегущая мышь, местами сушь, как в 72-м году, вызвала возгоранье торфяников.

О летних днях приятно вспоминать, когда на дворе слякотно, когда лужи застекляются льдом и вот-вот полетят белые мухи. В сентябре посчастливилось мне побывать на Хопре, который очень люблю, по которому не раз плавал, но всегда хочется видеть Хопёр еще и еще – это одна из самых красивых рек Юго-Восточной России. Длина ее тысяча с небольшим километров. Потомок ледниковых вод, Хопёр течет по равнине, все время петляя, и почти в три раза превышает прямую линию от истока в Пензенской области до

устья Дона.

Неспешная река.

Я знаю реку в среднем ее течении, где расположен недавно справивший семидесятилетие Хопёрский заповедник. Это место считают наиболее живописным на везде не скучной реке. Хопёр течет тут медленно, окаймленный пойменными лесами. Правый берег крутой, весной вода его моет, обнажая корни деревьев. Время от времени дубы, клены, вязы и громадные (видел такие лишь на Юконе) тополя с се-

ребристой изнанкой листьев падают в реку и лежат в ней годами, заставляя лодочников помнить об опасности наскочить на корягу. А левый берег низок, болотист, с ольховником, непролазной чащей подлеска и плотных высоких трав. На правом берегу в обрывах видишь норки птичек-береговушек, на левом – бобровые лазы и пеньки «подрубленных» зверями деревьев. А глубже, в пойменных зарослях встретишь колонию цапель, редкое по нынешним временам и громадное гнездо белохвостых орланов. В подлеске прячутся олени, проходят незримиыми тропами волки, у самой воды увидишь следы енотовидных собак. И живет тут таинственный древний зверек, «водяной крот» – выхухоль. Для спасения выхухоли и создан был заповедник. С этой же целью создавался заповедник в мещерском краю у Оки. Выхухоли законом природы, как видно, суждено вымирать – везде численность ее убывает. Но роль заповедников за эти годы возросла и умножилась. Охраняемые территории стали последним прибежищем лесной живности, повсюду человеком теснимой и истребляемой.

Помню, в Воронежском заповеднике на вопрос, чем отличается он от заповедника на Хопре, директор Николай Николаевич Цесаркин сказал: «Воронежский заповедник – это опера, он строг, местами скучен, а Хопёрский уподобил бы я оперетте – веселый, живописный, в нем больше воды и живности тоже».

Мы плыли по Хопру, когда по берегам уже виднелись

красновато-ржавые пятна вязов, жидкая предосенняя зелень ясеней. Вода в Хопре была тихой, зеркально-чистой. Переплывавший русло выводок кабанов нашей лодки несколько не испугался. А потом реку неторопливо переплыл лось.

В небе, набирая кругами синюю высоту, летал орлан. Что видел он сверху? Светлую, шириной примерно в сто метров, ленту воды, степь за лесом правого берега, а по левой, низменной стороне – речные старицы и блюдца озер. В этих местах Хопёр ведет себя особенно вольно. Сверкающие летом на солнце озера (их тут около восьми сотен) во время паводка сливаются в одно общее море, оставляя лишь островки суши, на которых спасаются звери. Тут делают остановки весной летящие с юга на север птицы, а в недоступных для человека местах остаются прилетные журавли.

Однажды с лесником Егором Ивановичем Кириченко с бугорка у кордона мы наблюдали в низине, как еще глупая молодая лиса подбиралась к стайке голенастых и всегда чутких птиц. Нам было видно: журавли лису заметили и были уже начеку. Когда лиса, пластаясь по земле, подобралась уже близко, взлетели. «Вот дуреха, кого собралась обмануть!» – смеялся Егор Иванович. А вечером ту же лисицу мышиным писком мы выманили из лесу на опушку – подбежала к самой машине, не боясь даже зажженного фонаря.

Егор Иванович когда-то служил в авиации стрелком-радистом. «Но что-то стал заикаться. Какой из зайки радист – ушел я шофером к геологам. Они много нащукали разных

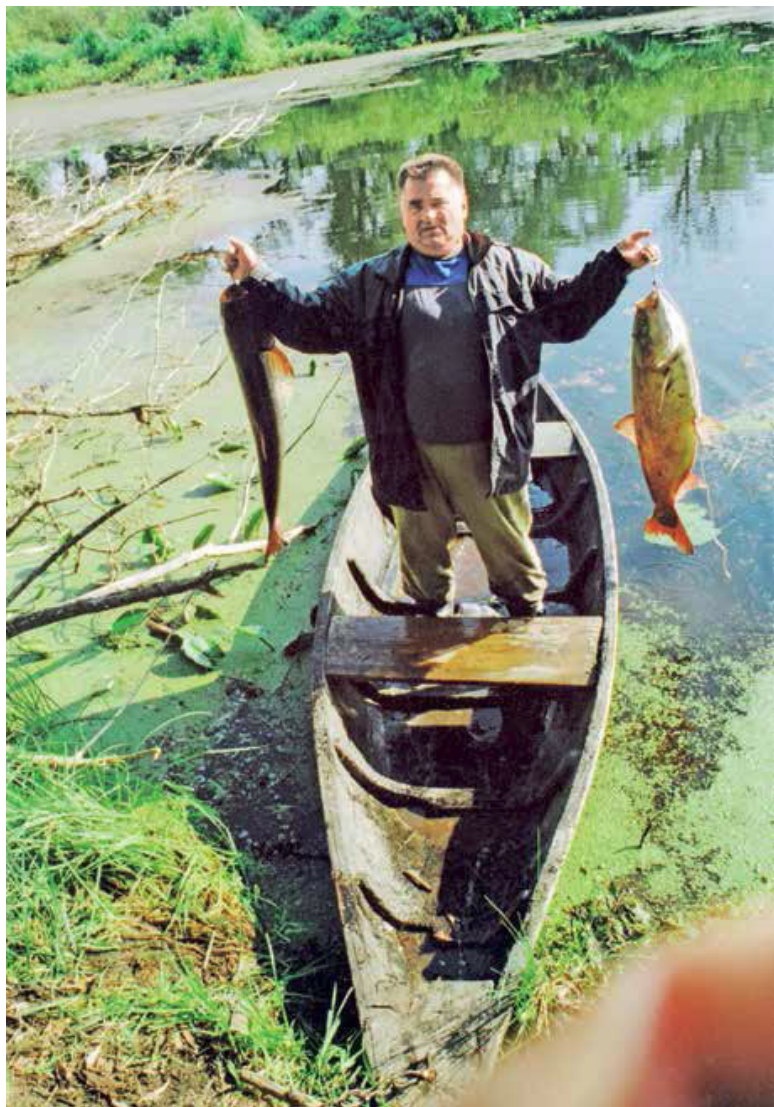
металлов, а я – радикулит. И вот теперь – в заповеднике». Однажды, подъезжая к кордону, я увидел Егора Ивановича стоящим на стогу сена в одних трусах и с биноклем. «Егор Иванович!..» Но друг мой, не отрывая бинокля от глаз, только махнул рукой – погоди! Потом он съехал наземь со стога, как съезжают мальчишки со снежной горки. «Понимаешь, Машу (жену) в деревню послал за бутылкой, но что-то долго она там ходит...» Веселый и добрый был человек.

На этот раз не увидел я ни Егора Ивановича, ни кордона, где во дворе когда-то ходили куры, индюшки, гуси и где в половодье на припеке собиралась прорва ужей. Памятником всему, что было, стояли в высокой траве лишь покосившиеся ворота, да еще дятел упорно долбил трухлявый ольховый ствол, под которым мы сиживали с милым, веселым хохлом. Умер Егор Иванович.

Плывем дальше. Как и на всякой реке, есть тут места неглубокие, с быстринной, а есть и широкие бездонные плесы – прибежище местных лещей до пяти килограммов весом. Есть в Хопре и крупные щуки, и тучные сазаны. Сома поймали однажды в восемьдесят с лишком килограммов. И есть, конечно, тут окунь, плотва, язи. Пишут: было когда-то рыбы в Хопре немерено – «возами шла на продажу». Особенно славились местные сазаны. Михаил Александрович Шолохов, завзятый охотник и рыболов, любил ловить сазанов, но ловил не в Дону, а специально приезжал на Хопёр, становился лагерем вблизи теперь исчезнувшего хуторка. Об

этих семейных вылазках на Хопёр рассказывал мне сын Шолохова Михаил Михайлович. «Самым завзятым рыболовом в команде была мать. Если не позовут к завтраку, утреннюю зарю могла растянуть до обеда. Отец лишнего ловить не любил, но однажды за утро вытащил из Хопра дюжину сазанов. И крупных. Рекордная его добыча – сазан в двадцать пять килограммов».

Есть на Хопре новость. Появился тут травоядный гигант – толстолоб. Дальневосточная эта рыба завезена была в водоемы с буйной растительностью и нигде, кроме Каракумского канала, не нерестилась. Еда ее – всякая мягкая зелень воды. Растет быстро, и к осени, перед залеганием в ямы, вегетарианец набирает изрядно жира. Как попали эти рыбы в Хопёр, неизвестно. Считают – с весенними водами из прудовых хозяйств. По всем законам толстолобы в этой реке не должны размножаться. Ихтиологи на этом настаивают. Но рыбаки возражают: откуда ж рыбешки с палец, с ладошку? Крупные рыбы держатся стаями у поверхности и своими набегами пугают на ямах робких лещей и «смущают всякую рыбу».

Те самые толстолобы.

Ловить толстолоба удочкой очень непросто, но приспособливаются. Для наживки опробованы пучки водорослей, листики клевера, ломтики огурцов, помидоров, всякие каши. Надежнее всего оказался горох – пареный и зеленый. На крючке большие, до двадцати килограммов, рыбы ведут себя буйно – рвут лески, ломают удилища. «Непутевая рыба», – сказал бывалый здешний удильщик.

Мы с воронежским другом Александром Елецких даже не попробовали покуситься на толстолоба, но попросили здешнего лесника Александра Викторовича Дорошенко попытаться поймать хотя бы одного – нам для съемки. Представьте себе, поймал! Ночь сидел на Хопре, а утром нас разбудил: «Идемте к реке – на кукане ожидают вас толстолобы». Ну, конечно, мы, как звери, накинулись на эту готовую опрокинуть нас в лодке добычу...

Доплыли по Хопру мы до славного «Нью-Хопёрска», то есть до Новохопёрска, бывшего когда-то большой станицей, куда с Дона приплывали баржи и пассажирские катера. Тут у Хопра правый берег возвышается, как гора. Поднимаясь с лесником по тропе лесом, высоту берега мы почувствовали. Внизу, в синевших и тронутых желтизной лесах, светлела лента Хопра, небольшая лодка виднелась комариком на воде. Тишина была оглушительной. Летевшая с высокого берега сойка, увидев нас, уронила желудь, и мы видели, как

по воде побежали круги. Неторопливо и тихо Хопёр утек
к Дону.

- **Фото автора. 3 ноября 2005 г.**

Дела семейные

Окно в природу

Нас умиляют животные, у которых наблюдаем упорядоченную семейную жизнь, кажется, в ней присутствует то, что в человеческих отношениях называют моралью. Увы, животные существуют по своим разнообразным законам, продиктованным не моралью, а целесообразностью выживания каждого вида в привычных условиях. И чаще мы видим ситуацию, когда самец с окончанием брачных встреч никакого участия в судьбе потомства не принимает. Характерный пример – медведи. Тут дело доходит даже до каннибализма. Взрослый медведь, встретив весной медведицу с медвежатами, норовит задавить малышкой и сожрать. Мать таких встреч избегает и отчаянно малышкой защищает, если нападение все-таки состоялось. Любопытно, что самец может быть малышам и отцом, им неизвестным. То же самое наблюдается у леопардов. А сильный лев, посягнувший на жизнь самца в своеобразной семье (прайде) сородичей, убив соперника-льва, убивает и малышкой. И львицы покорно принимают нового повелителя. У слонов самка выращивает малыша без отца. Почуввав беременность, она покидает возлюбленного и возвращается в материнскую группу, где самцов нет. Но

воспитывать слоненка ей помогают «тетушки».

Не участвуют в воспитании детворы самцы гаремных животных, например, оленей, где самый сильный удерживает возле себя нескольких самок, все заботы ложатся на матерей. То же самое – у морских котиков. Рожденный детеныш оказывается в большом стаде молодняка. Уплывающая кормиться в океан мать в этом галдящем сообществе по голосу находит своего сосунка. Самки, участвующие в брачных игрищах тетеревов, глухарей, перепелов, коростелей, удаляются после них к гнездам, и птенцы вырастают только при материнской заботе. Этот порядок является законным для многих птиц.

Но есть животные, заключающие брачный союз на сезон выведения птенцов. Тут токования выявляют способности к семейной жизни каждого из партнеров. Ритуальные подношенья подруге еды – рыбок, лягушек, жуков или даже просто палочек – у некоторых птиц выявляют готовность самца к воспитанию потомства. Результат смотрин иногда заканчивается синхронным криком, означающим заключение нерушимого союза семейной жизни по крайней мере до возмужанья потомства. Этот «торжествующий крик любви» хорошо наблюдается у журавлей.

Образцовые семьянины – верность на всю птичью жизнь.

Исключительно важное значение имеет он у пингвинов. Императорские пингвины в Антарктиде выводят птенцов в экстремальных условиях – на льдине при морозах пятьдесят градусов и сильном ветре. Продолжение рода у этих прекрасных бескрылых созданий возможно только при верности друг другу в супружеской паре, когда одна птица на много дней уходит кормиться к воде за десять и более километров и непременно возвращается к партнеру, чтобы сменить его на родительском посту сбереженья потомства.

Как действует этот союз, я несколько раз наблюдал и в колонии цапель. Гнездо у птиц построено кое-как. Но никогда,

ни на минуту оно не остается без присмотра. Цапля с него взлетит, только когда с охоты к гнезду возвращается другой родитель. У некоторых видов цапель дело доходит до ритуала «сдал-принял гнездо» – одна из птиц передает другой в клюве веточку. Только по приеме этого «документа» второй родитель может лететь.

Совместное воспитанье потомства характерно для многих животных, особенно тех, кому непросто добывать корм. Вместе кормят птенцов многие хищные птицы – орлы, ястребы, соколы. Сбиваясь с ног, парой кормят птенцов и мелкие летуны – скворцы, воробьи, соловьи, дрозды, ласточки. У крупных хищников наблюдается «матриархат». Дело отца – приносить корм, отдавать его самке, и она уже делит его меж птенцами или съедает сама.

Крупные долгоживущие птицы тяготеют друг к другу. И хотя на зимовку (проверено радиослежением) улетают иногда порознь и часто разными путями, родное гнездо весною заставляет их встретиться, и совместная жизнь продолжается. При избытке корма некоторые птицы, например зимородки, заводят две-три семьи и, неустанно охотясь, помогают подругам «поставить на ноги» малышей. И никаких «моральных» проблем не возникает. Такой порядок вещей для этого вида животных выгоден.

Семейный союз на время воспитания потомства наблюдается и у крупных животных. В Африке на глаза постоянно попадаются кабаны-бородавочники и члены всего семей-

ства: мать – впереди, малыши – цепочкой – за нею, и строй замыкает папаша. Его дело следить: не отстал ли кто-либо и нет ли опасности. Все члены семьи не теряют друг друга из виду благодаря прутикам длинных, поднятых вверх, как антенны, хвостов. При опасности семья стремится к убежищу, вырытому в земле. Мамаша и малыши катятся вниз рылом вперед, а папаша пятится задом, выставляя наружу хорошо вооруженное рыло – попробуй сунься!

Особые случаи. Отсутствие семьи и лишь частичную заботу о потомстве демонстрирует нам множество видов кукушек, кладущих яйца в чужие гнезда. У большинства рыб заботы о потомстве либо нет совершенно, либо она ограничена лишь краткосрочной заботой (охрана икры и мальков сомами, забота о кладках икры у лососей). Большинство же рыб обеспечивают сохранение потомства сверхобильным отложением икры – кто-нибудь выживет! Рекордсменами в таком воспроизводстве себе подобных являются огромная неуклюжая рыба-луна и треска.

Но есть и у рыб исключения. Африканская тилипия три-четыре десятка икринок инкубирует в своем объемистом рту, а потом все в тот же рот при опасности собирает в первые дни их жизни мальков. А рыба колюшка строит гнездо для икринок, причем делает это самец.

Иногда семейные отношения принимают курьезные формы. В Африке я много снимал колоритных птиц-носорогов. Они небоязливо садятся на спинки стульев в придорожных

харчевнях, у нашего лагеря в Ботсване носороги дежурили с восходом солнца, ожидая подачек возле костра. Свое же гнездо и обитателей в нем эти птицы ревниво оберегают. Подругу, сидящую в дупле на кладке яиц, самец замуровывает, оставляя в летке отверстие для передачи пищи. И затворница, наверное, удивилась бы, если б супруг забыл ее как следует огородить от опасностей.

Там же, в Африке, у самых крупных на земле птиц – страусов семейная жизнь тоже очень своеобразна. Яйца в общее гнездо на земле кладут сразу несколько самок, а насиживает, чередуясь с самцом, только одна. Бурого оперения птица, положив на землю перед собой шею (отсюда легенда: «прячет голову в песок»), сидит днем, поскольку менее заметна, чем одетый в черное самец, а он на гнезде сидит ночью. Еще одна неожиданность – воспитанье птенцов. Их водит папаша либо кто-то другой из «мужчин». И права на это добиваются в совсем не ритуальных сражениях. Происходит это потому, что сохранить выводок в саванне, где много всякого рода хищников, может только сильная, нетрусливая птица. В Калахари мы столкнулись с таким вожаком, когда вышли из машины проветриться. Страус бросился к нам с безрассудной отвагой. И первым пострадал бы член экспедиции орнитолог, профессор Владимир Галушин. Но преградила путь разъяренному страусу проволоочная ограда дороги. Страусят мы не видели, но явно они были где-нибудь рядом, и судьба их беспокоила ревностного охранника-воспитателя.

И, наконец, скажем о животных, у которых семейные отношения похожи на человеческие. Супруги сохраняют верность друг другу не только в сезон размножения, а всю жизнь – ревнуют, сокрушаются, если теряют партнера. К таким животным, как ни странно, относятся волки (их потомки собаки качества семьянинов утратили). Однажды выбрав друг друга на ристалище, где волки-самцы состязаются в беге (а иногда в дело пускают и зубы), волк и волчица сохраняют семейные узы всю жизнь. Я знаю случай, когда волчица рвала мясо для своего уже «съевшего зубы» более старого друга – волк жертву умело гнал в нужное место, а волчица ее приканчивала. Привязаны на всю жизнь друг к другу галки, долгоживущие гуси и лебеди, о чем расскажем особо.

И в заключение беседы коротко о птице, которая занимает орнитологов уже лет тридцать. Живет она на затерянном в океане к востоку от Австралии острове Новая Каледония. Местным туземцам эта красивая серебристо-белая, с большими пестрыми крыльями птица своим поведением известна давно. Европейские орнитологи обратили на кагу (название птицы) внимание, когда на острове этих птиц осталось всего шесть десятков. Повинны в убыли колонисты, поселившиеся в Каледонии вместе с собаками, свиньями, кошками. До этого никаких врагов у славных кагу не было, и летать они разучились. Это обернулось бедой.

Как водится, начали кагу спасать, и сейчас численность птиц достигла пяти сотен. Привлекла внимание орнитологов

особенная социальная организация этих пернатых, и сейчас кагу в животном мире называют образцовыми семьянинами. Всю жизнь (до сорока лет) семейная пара спаяна в крепкий союз – ни размолвок, ни ссор, ни измен. Один раз в год насиживают поочередно одно яйцо. А птенца начинают кормить сразу несколько птиц. Когда их поместили, то обнаружили: это более ранние дети все тех же родителей. Взрослеют они лишь в девять лет, а до этого помогают выхаживать младших сестер и братьев. Такое поведение замечено было и у других птиц, но лишь на короткое время. А тут – девять лет! Образцовым семьянином названа кагу вполне заслуженно.

• **Фото из архива В. Пескова. 1 декабря 2005 г.**

2006

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Москва

Вторник, 14 февраля

Газета нашего города

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ТИРАЖ
30
лет
в Москве
и России в СНГ
www.kp.ru

№ 21 (23658) 2006 г.
Розничная цена
7 руб.

«КОМСОМОЛКА» ВЫХОДИТ ВСЕМ ПОЖАРАМ НАЗЛО!

Вчера горела вся
шестая этаж,
где размещалась
московская редакция
«Комсомольской правды».

Жар-птица

Окно в природу

Первый раз увидев фазана, я сразу подумал: вот откуда сказочное название жар-птица. Это был живой фейерверк красок: багряная, золотая, белая, зеленая с отливом металлической синевы. Птица словно бы сознавала свою красоту – стояла, подняв голову и задрвав длинный, сходящийся в острое хвост. Глаз невозможно было оторвать от перелива ярко звучащих красок...

Вот эту троицу снимал я недавно в пасмурный день на фоне палой прошлогодней листвы. То, что было бы солнцем усилено, лишь намекало на звучность красок. И все равно фазаны были очень красивы в своем наряде.

В птичьем мире роскошные убранства носят самцы. Самки – серые и неприметные. Им, выводящим птенцов, на гнезде такими природой и предписано быть. Парад красок демонстрируют петухи. У куриных птиц – тетеревов, глухарей и фазанов – это особо заметно. Фазаны – птицы южные. Их родина Средняя Азия, Прикаспий, Кавказ, Дальний Восток, Китай. Но уже много столетий фазаны живут и в Южной Европе – путешественники не могли не привезти это чудо на запад.

Фазаны очень робкие, осторожные птицы – «мышей боятся», везде хорошо прижились. Кое-где их разводят почти как кур, а охотники, выпуская в угоды, где тешатся с ружьями, обрели хороший объект охоты.

Я видел фазанов в природе на исконной их родине, вблизи казахской Алма-Аты. Там в зарослях камыша, терновника, ежевики и сплетениях непролазной травы то и дело слышишь характерный издаваемый петухами с металлическим оттенком крик, какой слышишь, когда косу точат грубоватым брусом.

Видеть фазанов там приходилось нередко, когда они резво перебежали дорогу. Крепкие ноги их носят по земле ничуть не хуже дроф и страусов. Бегут, спешат нырнуть в колочки травяных джунглей, куда никакая собака за ними пролезть не может. Но случается фазана охотнику прищучить там, где не спрячешься. Тогда он взлетает. Полет у него характерный – по крутой горке вверх, с криком и хлопаньем крыльев. Но летун он плохой – с верхней точки планирует вниз, в крепи. На этой траектории ружейная дробь его настигает.

Даже при дождике они сказочно привлекательны.

Желанный объект охоты! Но продвижение фазанов из южной зоны в края снегов и морозов успехом не увенчалось. Холода эта птица перетерпеть может – была бы пища. Но ее зимой мало. А фазанам нужны ягоды, семена, насекомые, лягушки, ящерицы. Подкормка, даже и аккуратная, не спасает. Азартные ружейники опускаются до примитивной стрельбы: выпускают на волюю фазанов, выращенных в неволе, и на другой день бродят в угодьях с собаками в надежде, что где-то взлетит...

Однажды в Южном Казахстане, заметив, куда, планируя, опустился фазан, я с осторожностью подобрался к поляне и увидел на ней, как пасется матёрый петух. Время от времени, поднимая голову и прислушиваясь, он рыл землю большим крючковатым клювом – вытягивал съедобные корешки. Но упруго выпрямился, увидев, что рядом сел шмель. Бросок головы в сторону, и вот крупное насекомое в клюве птицы. С явным удовольствием фазан добычу свою проглотил и огляделся: нет ли чего еще? И тут он увидел меня. Фррр!.. Испуганный крик с металлическим скрежетом, и нарядная птица исчезла.

Фазанов несколько видов. И петухи в них – один краше другого, о чем говорят и названия: золотой, серебряный, алмазный и много других. Для любования созданы эти птицы. Из-за плохого умения летать разные виды фазанов в природе редко смешиваются. Но помогает этому человек, переселяя их в другие места. Генетически птицы эти не различаются. Гибридизация дает жизнестойкое потомство, умножая разнообразие красок в перьях. Старик Брэм, любуясь фазанами, опускал руки: «Все оттенки красочного их наряда описать невозможно».

Особой сообразительностью ни в дикой природе, ни на птичьем дворе (китайцы фазанов разводят, как кур) эти птицы не отличаются. Обычный петух в курятнике – интеллект рядом с ними. А что касается птиц врановых – ворон, воронов, сорок, галок и соек, – то это просто мудре-

цы рядом с пугливыми нарядно одетыми фазанами и заклятые их враги. Фазаны знают этих врагов – похитителей их птенцов и яиц из гнезда. Кроме птиц врановых, убавляют число фазанов луни, ястребы, канюки, филины. Лисы, шакалы, одичавшие кошки, зная повадки фазанов, тоже берут свою дань, оставляя нарядным птицам возможность спастись, только соблюдая предельную осторожность и умение спрятаться там, где враг, находясь даже рядом, не может заставить фазана покинуть убежище в плотном кустарнике и травяных крепях. Ни силой, ни хитростью защитить себя фазан не умеет. Задора у петухов хватает только на драки друг с другом в весеннюю брачную пору.

Фазаны не любят большие массивы леса. Излюбленные их места – кустарники с редкими деревьями и рощицы, где можно на ветках устроиться на ночлег. Они оседлы, но, полагаясь на крепкие ноги, любят в избранном месте «попространствовать», прислушиваясь к любому подозрительному звуку. От истребления спасает их еще и высокая плодовитость – десять – двенадцать (у некоторых видов и восемнадцать) яиц в гнезде! В конце первой недели после вылупления из яиц нарядно-пестрые малыши уже перепархивают. И, хотя до возраста взрослой птицы доживает менее трети, все же фазаний род превратности жизни не пресекают. Встреча с фазаном во дворе или в дикой природе заставляет сразу вспомнить жар-птицу из сказки.

- **Фото из архива В. Пескова. 4 мая 2006 г.**

Неделя в Голландии

Окно в природу

Отвоеванное у моря

Французы говорят: «Всем народам землю подарил Бог, а голландцы землю добыли сами».

В местечке близ Роттердама музейщики нам показали любопытную «живую» карту. На ней обозначены нынешние очертания страны. Нажатие кнопки – и на экране мы видим, с чего Голландия начиналась: море воды на месте нынешних городов, поселений, лугов и пашен. Суша – только на юге.

За жизненное пространство голландцы начали борьбу более семисот лет назад – осушали сначала болота, обнажая двухметровые толщи торфа, и постепенно шаг за шагом, год за годом стали отвоевывать землю у моря.

Вода – сильнейшая из стихий. Мощь ее непомерна. А человек поначалу выступал с лопатой и тачкой. Отсыпал камни в основание дамб, наращивал их землей, армированной прутьями лозняка, рыл каналы для стока воды. А как отвести воду в магистральный канал, идущий к морю? Для этого приспособили мельницы. С одного горизонта на другой передавая друг другу, днем и ночью они поднимали воду. Бывали случаи, она возвращалась при натиске с моря, и все начинать

приходилось заново – семьсот лет непрерывно длилась эта работа. Сначала у моря отнимались небольшие заливы, потом приблизились к дюнам, лежавшим по всему фронту морской воды и не дававшим ей изливаться в низины. Но цепь песчаных наносов сплошной не была. В таких местах люди стали строить дамбы. Огромных затрат и усилий требовала эта работа. Но от моря отгородились, а воду из-за ограды в море стали откачивать первоначально с помощью все тех же мельниц.

Бесконечную войну с водой пришлось к тому же вести на два фронта. Затопляло землю не только море, но и с юга большие разливы Рейна. Пришлось искусно регулировать (опять же с дамбами и каналами) всю огромную дельту большой европейской реки. А за века война с водою стала философией жизни голландцев. С детства человеку внушали опасную близость воды. Помню школьный хрестоматийный рассказ о мальчике, который, увидев, как вода прососала щель в дамбе, заткнул ее пальцем и стал звать взрослых к месту грозной опасности. Учительница рассказала нам, что это было в Голландии, которой вода всегда угрожает. В этой легенде заключена мудрость жизни: каждый голландец должен усваивать с детства опасность воды.

Старинный маяк на взморье.

В музее, где наглядно показано противостояние человека водной стихии, нам рассказали: «водная община» в ранние годы становления страны могла виновника порчи дамбы строго наказать, не дожидаясь суда. Так велика ответственность людей за приращение суши и предупреждение наводнений.

И сегодня ведомство по контролю за водами – одно из самых важных в стране. «Регулирование воды на этих равнинах уподобить можно виртуозной игре на скрипке», – сказал

нам седовласый гидролог. Наводнения бывают. В истории Голландии есть случай, когда вода была использована как оружие против врагов. На грани XVI – XVII веков восемьдесят лет голландцы воевали за независимость страны с испанцами. И победили. Любопытен эпизод в долгом противостоянии врагам. Город Лейден, окруженный дамбами, был обложен войском испанцев, решивших взять осажденных измором. Спас лейденцев герцог Вильгельм Оранский. Он решился пробить в дамбе брешь, и вода устремилаь в низину, где расположен город. Голландцев, привыкших к натискам наводнений, это не испугало, а испанцы в панике разбежались, дав возможность людям Вильгельма Оранского по потокам воды подойти к городу на ладьях и передать осажденным селедку и хлеб.

Герцог после победы в долгой войне предложил лейденцам награду за стойкость: или освобождение от налогов, или учреждение в городе университета. Лейденцы предпочли университет. Помните, на первых школьных уроках физики упоминается «лейденская банка»? Опыт по электричеству с этой банкой проводился в том самом Лейдене. А тут, в Голландии, я узнал: герцога Оранского чтут как «отца нации», а лейденцы, помня, каким способом находчивый человек доставил осажденным продовольствие, 3 октября каждого года устраивают праздник, главное угощение на котором – хлеб и селедка. Промоины в дамбах у Лейдена, конечно, засыпаны. Но коварство воды проявляется постоян-

но, несмотря на исключительное умение голландцев справляться с нором этой стихии. За семьсот лет тут случилось двадцать катастрофических наводнений. Два последних – недавно. Февральское наводнение 1953 года унесло 1800 человеческих жизней, разрушило много построек и все же было укрощено. Очень большим было декабрьское наводнение 1995 года – тысячи людей и много скота вывозили из зоны бедствия.

«А что вы думаете о возможном повышении уровня океана в связи с потеплением атмосферы?» Два человека на этот вопрос ответили одинаково: «Не боимся! У нас накоплен огромный опыт в войне с водою. Важно просто не упустить время и задействовать весь арсенал технических средств».

Мелководье первыми обживают гуси.

Эти средства тут велики. Мельницы-водокачки сейчас отдыхают, услаждая видом своим взоры голландцев и сотен тысяч туристов. Но работает постоянно двадцать тысяч мощных насосных станций, оберегая отвоеванную у моря сушу.

Земли (польдеры), бывшие дном моря, плодородны и используются с эффективностью, какой не знает никакая другая страна на земле. Оно и понятно. Каждый лоскут пашни отвоеван тут ценой громадных усилий и средств – плохо вести хозяйство на них нерасчетливо и грешно. Если бы люди

вздумали установить памятник за трудолюбие, место ему – в Голландии.

Война с морем тут продолжается. На севере мы видели, как сооружается очередная дамба. Одна за другой на морском мелководье появляются баржи и по заданной линии сыпят камни. Потом будут сыпать на камни песок. «Фронтвые», непосредственно соприкасающиеся с морем дамбы представляют собой внушительные сооружения. На них есть постройки, по ним в обе стороны мчатся автомобили и отдыхают после полетов чайки.

Две трети Голландии лежит ниже уровня моря, а треть была когда-то морем. Сейчас на польдерах, разливенных большими и малыми каналами, выращивают овощи, сеют хлеб, пасут коров и овец. Это завоевание, которым люди вправе гордиться.

Ветреный край

Ветряная мельница – зрительный символ Голландии. Приезжающий в эту страну повсюду обязательно мельницы видит. Фотографы возле них изводят километры пленок. Мельница – и памятник старины, и торговая марка, и пример сочетанья функциональности с красотой, поэтический знак единенья человека с природой. В отличие от заводских труб мельницы не загрязняют воздух, красота пейзажа от них только выигрывает.

Изобрели мельницы водяные и ветряные в поисках си-

лы, способной помочь человеку в делах житейских. Считают, ветряные мельницы появились сначала в южной части Европы (предположительно в Греции) и быстро распространились повсюду. Поначалу они представляли собой кирпичные, похожие на огромные бочки сооружения с крыльями. С такими мельницами в Испании сражался известный литературный герой. Во Франции такую же древность я видел в Провансе близ Ниццы. Писатель Проспер Мериме удалялся для трудов своих в мельницу, ставшую теперь музеем, ее показывают туристам как национальную ценность. Еще две ветряные мельницы-«бочки» видел я в центре Франции. Это и все, что тут осталось от некогда многочисленных мукомольных сооружений. Четыре древнейшие мельницы сохранились в Голландии. Они выглядят неуклюжими рядом с легкими, высокими, изящными ветряками «голландской архитектуры». От кирпичных строений тут отказались почти везде по причине хлюпкости грунта – тяжелые ветряки кособочились, падали. Голландцы стали строить на прочных фундаментах мельницы деревянные. А часто бревенчатым был только остов, а бока и подвижная «шапочка» мельницы крылись аккуратно подстриженным тростником, который всюду тут под рукой. Кажется, мастера состязались – чья мельница будет краше. Сооружения для прозаической работы имеют изящные формы, изрядную высоту и походят на сухопутные корабли, которые ветер, не двигая, заставляет работать их легкие крылья, снаряженные полотняными па-

русами.

Благодаря постоянству ветров на здешних приморских равнинах мельницы, было время, заполнили страну, выполняя множество разных работ. И поныне тут можно увидеть мельницу-мукомольню, мельницу-лесопилку, мельницу-шерстобитню, выжимальщицу масла из семян льна и репейника. Мельницы перетирали древесину для производства бумаги, дробили дубовую кору, потребляемую кожевным производством, мололи пряности, привозимые кораблями с Востока. Но главным назначением ветряков была откачка воды с низменных территорий. Этой работой было занято девяносто процентов всех мельниц. Вертелись крылья их днем и ночью.

Конструкция мельниц совершенствовалась непрерывно. Считают: первый ветряк в Голландии появился в 1260 году, а пик численности мельниц приходится на XVII век – девять тысяч! На старинной картине (я посчитал специально) в поле зрения художника попало сразу 27 мельниц. Силуэт Амстердама в те годы определяли мельницы. Им Голландия обязана зарождением в разных местах промышленных зон.

С приходом времени пара и электричества спрос на энергию ветра резко понизился, и повсюду мельницы постепенно исчезли. Но не в Голландии! Тут они стали частью истории, культуры, эстетики. Поныне тысяча мельниц не просто сохранилась, но поддерживается в рабочем состоянии. А некоторые и работают – мелют зерно, пилят лес. Все вместе они

представляют собой историческую ценность, сохранившуюся только тут, в Голландии.

Фамилия Мельников самая распространенная в мире после фамилии Кузнецов. Нам показали местечко вблизи Роттердама, где, передавая потомкам умение управлять ветряками, жило десять поколений мельников. Сейчас профессиональных мельников нет. Но повсюду созданы «мельничные союзы». Их члены поддерживают на мельницах порядок, чинят ветряки, следят за рабочим их состоянием. Кое-где на мельнице можно купить муку «ветряного помола», открытки, сувенирные книжки...

Мы с Максимом Синицыным побывали на мельнице-лесопилке и мукомольне в городке Утрехте. Сооружения эти высотой с трехэтажный дом построены так, чтобы возвышаться над городом – «ловить ветер».

Двухъярусные эти строения имеют по окружности пояс с перилами, на который можно подняться и глянуть на всюду открытый равнинный пейзаж, но, главное, проникнув «с крылечка» во внутренность ветряка, можно увидеть, как работает его мощный, далеко не простой механизм.

При хорошем ветре (а в Голландии он хороший всегда!) «королевский» вертикальный вал мельницы вращается со скоростью 120 оборотов в минуту. Излишек давления ветра можно убрать, уменьшая холщовую парусность крыльев или рычагами включить деревянные колодки тормозов, работающие по такому же принципу, как и тормоз в автомобиле.

Но надо следить, чтобы от трения древесина не перегрелась и не случилось бы возгорание. Во избежание этого применяется смазка. Ею служит нутряное свиное сало. Шматки его висят под крышею каждого ветряка.

Для работы крылья мельницы повернуть надо ветру навстречу. В одних конструкциях поворачивается весь корпус постройки, в других – лишь «шапочка» мельницы, несущая вал, на котором крепятся крылья. Система управления мельницей доведена до четкости механизма часов. Тут есть рычаги, педали и нечто вроде штурвала на корабле. Вековой опыт установки крыльев в нужное положение выработал даже своеобразный язык, которым мельники сообщают что-либо друг другу и всем, кто мельницу видит. Устанавливая крылья так или иначе, можно сказать: «Меня нет, но скоро вернусь», «Мельница временно не работает». Особое положение крыльев объявляет о трауре в доме мельника или, напротив, о каком-нибудь торжестве. Во время войны положением крыльев мельники передавали английским летчикам заранее оговоренным сигналом важные сведения, сообщали антифашистскому Сопротивлению о возможных облавах. А во время национального праздника мельниц, во вторую субботу мая, как пишут, «вертится все, что может вертеться». Глянув на карту, заметишь: значками помеченная тысяча ветряных мельниц рассыпана по пространству небольшого равнинного государства. Но есть места, где значки нарисованы кучно. Вблизи Роттердама сохранилась «ассоциа-

ция» из девятнадцати мельниц. Зрелище их, стоящих возле канала, удивительной красоты. Когда-то они осушали низину, подавая по ступенчатой цепочке воду в магистральный канал. Сейчас воду везде откачивают электрическими насосами, а мельницы стоят без работы. Но все они в полном порядке и продолжают служить Голландии, привлекая массу туристов. И все-таки содержать тысячу ветряков для государства накладно, и все это уникальное мельничное хозяйство (есть тут на юге и 80 водяных мельниц) передано Голландией в фонд мирового культурного наследия.

Ветры в Голландии сейчас пытаются использовать для получения новой энергии. Повсюду, особенно на севере страны, постоянно видишь шеренги высоких бетонных башен, на которых высоко подняты трехлопастные генераторы электричества. Их называют тут тоже мельницами. В одной шеренге я насчитал полторы сотни уходящих за горизонт «мельниц». Энергия ветра – экологически чистая, но «башни» обходятся дорого, и «ветряное электричество» составляет лишь два процента от всего, что дают разного рода электростанции. Задача: выйти на семь процентов.

Старинный строй мельниц-водокачек.

С Голландией мы прощались, проезжая к аэропорту на поезде. По обеим сторонам от дороги виднелись поселки то с колокольней, то с мельницами, вращением крыльев говорившими кому «До свиданья!», а кому – «Здравствуйте!».

• Фото автора. 8 – 22 июня 2006 г.

Таежный тупик

Течение жизни

В позапрошлом году Еринат переходили мы вброд. Это было непросто даже для людей опытных. В этом году река вскрылась поздно, половодье на ней было бурным – Еринат вернулся в прежнее русло, вода неслась с бешеной скоростью, катила камни, подмывала деревья по берегам. О переправе вброд нечего было и думать. Вертолет сел на каменный островок, и мы, почти не замочив ног, перебежали к ожидавшим нас на берегу трем людям: Агафье, Ерофею и незнакомому парню, как оказалось, три дня назад пришедшему сюда, одолев по тайге сто пятьдесят километров.

В то утро на Байконуре ракету «Протон» с важным космическим грузом провожали Путин и Назарбаев. Через восемь с половиной минут после старта ракета прошла над хозяйством Агафьи, сбросив отработавшую свое вторую ступень. Летчики и специалисты природнадзора полетели по точкам собирать образцы растений и грунта, на которых могли остаться следы ракетного ядовитого топлива. (Попутно скажем: этот многолетний контроль пока никаких результатов не дал – с высоты в тридцать километров, как и просчитывали специалисты, частицы топлива второй ступени в ат-

мосфере, видимо, «растворяются».)

Рис. Агафьи.

Река-кормилица.

Только что закончилась работа на огороде.

Мы прилетели утром, а вечером должны были вернуться в Саяногорск и спешили живущих на Еринате обо всем, что было тут с прошлого лета, как следует расспросить.

Как всегда, какое-то время заняла переноска в гору го-

стинцев и упаковок с продуктами, которые из Абакана сопровождал Анатолий Мордакин. Запас этот сделали загодя на пенсионные деньги Агафьи работники лесного хозяйства Вера Алексеевна Зайцева и Николай Николаевич Савушкин. Николай Николаевич ранее непременно сам прилетал, похозяйски определяя нужды Агафьи. Но болезнь теперь мешает ему летать, и он лишь письмо с приветами приложил с грузу.

После разгрузки и первых приветствий начались расспросы о новостях и обо всем, чем жили таежники. Жизнь текла тут медленней, чем течет Еринат. Все новости связаны с тем, что приносит к приюту людей тайга. Событием главным был приход в апреле (сразу после берлоги) медведя. Голод привел его ночью прямо во двор к избушкам. «Все грядки, проклятый, поистоптал», – сокрушалась Агафья, показывая, как близко от избы ходил зверь. Интересовали голодного медведя козы. Больше всего наследил он около их загона, но вломиться в закрытую дверь не решился. Напуганная Агафья после той ночи везде поразвесила красные тряпки-«пужала» и наготове держит ружье, чтобы вовремя «дать выстрел».

Рис. Агафьи.

Рис. Агафьи.

Зимой забредала сюда любопытная, ни на что не покушавшаяся рысь. Видели тут однажды и росوماху, живущую выше леса, близко к гольцам. Прямо к оконному стеклу избушки, где живет Ерофей, прибежал соболь, а однажды к тому же месту близко подошла маралуха. Бывалый охотник схватил ружье, но стрелять, однако, не стал – «во-первых, тут теперь

заповедник, во-вторых, в день Пасхи не хотелось проливать кровь». В пик половодья по Еринату несло и какого-то зверя – не то лося, не то марала, «а может, корягу – в сумерках не разглядели».

В капкан, поставленный на шkodливую норку, попал панически оравший кот, и в такой же капкан угодил пес Протон. Кот оклемался, а Протон неожиданно околел. Агафья уверена: от какой-то болезни, а Ерофей мрачно бросил: «Кормить надо было как следует – на картошке да на перловке кто угодно ноги протянет». Но Агафья держалась своих наблюдений: болел. И, боясь заразы, собаку сожгла. Теперь в хозяйстве ее пять коз, одиннадцать кур и избыточно много – семь полудиких кошек.

Время показало – самой нужной «скотиной» оказались тут козы. К молоку Агафья привыкла, но готовить сено на пять голов и негде, и сил уже нет. «Раньше, бывало, и днем, и ночью готова была работать, теперь же ночь не посплю – днем ни к чему не пригодна». По-прежнему Агафья упрекает жившую тут пять лет «прихожанку» Надежду. Считает, что, удалившись «в свою Москву», она ее предала. Одной Агафье живется трудно: огород, заботы о сене для коз, дрова, ловля рыбы... В шестьдесят с лишним лет эти дела изнуряют. С Ерофеем союза нет. Живут не то что недружно – почти враждебно. Агафья временами ему пеняет: «Пошто со мной не говоришь?» Ерофей же, считая ненужным затевать ссору, махнет рукой и запрется в своей избе. По-прежнему

забота его – заготовка дров. Но каково это делать зимой человеку с одной ногой, таскающему поленья к жилью в мешке. «Я тут временный!» Снабжает Ерофея харчами сын, а пенсию отец откладывает, чтобы купить где-нибудь в деревеньке избу. Агафья же таежное свое пристанище покидать не желает. Да и куда податься? Молодому поколению родни она почти что чужая, и самой житье «в миру» в тягость. «Тут и умру», – как-то сказала мне в ночном разговоре.

Вот почему она обрадовалась появлению тут человека, пешком одолевшего сто пятьдесят километров таежных дебрей.

– Родион Побойкин, – представился он. И я с большим любопытством выслушал рассказ 28-летнего человека о таежной его одиссее.

К староверчеству Родион отношения не имеет. Работал в городе пекарем, потом строителем. Увлёкся походами по тайге. И вот решил «проверить себя в путешествии одиночном». Вышел 31 мая с рюкзаком весом в тридцать пять килограммов. Соль, спички, нож, компас, карта. Еда: рис, вяленое мясо, крупа, хлеб, масло, мед были в его поклаже.

– Очень ведь рисковали...

– Да, не один раз пожалел, что затеял этот поход. На десятый день буквально выл в одном особо непроходимом месте: «Ну зачем я иду! Разве это мне обязательно нужно?!» Но взял себя в руки и вот дошел.

Старая избушка. Теперь подсобная.

– Опасности были?

– А как же. С медведем столкнулся. Вот так же был от меня, как вы сидите. Минуты четыре топтался, принюхивался, снизу наискосок поглядывал на меня. Я испугался, конечно, но, слава богу, не побегал, и медведь скрылся. Другая опасность – река. О том, что жилье уже близко, я догадался по старым ловчим ямам и по следам топора на деревьях, сделанным Лыковыми. И вышел к реке. Увидел и ужаснулся течению. Но нечего делать, решился Еринат переплыть. Ододел, но едва не разбился о скалы. Вечером у костра обсушился,

а утром был уже тут.

Путешественник выглядел исхудавшим, измученным. Все со мной прилетевшие зашептались: «Какой-то непутевый авантюрист, что тут ему нужно?» Но Агафья была приветливой и, видимо, уже прикинула, что странник ее не обьест, а работа ему найдется.

Нехитрый скарб и инструменты Лыковых.

Бинокль Агафье понравился.

После беседы о новостях обошли мы с Агафьей ее «усадь-

бу». На всем лежала печать неухоженности – огород был вскопан только на четверть, в кучи свалено все, что привозили сюда в подарок. Не было креста на могиле Карпа Осиповича. «Сгнил. А новый поставить часа не нахожу», – объясняла Агафья, грустно потупившись. Козы, до которых медведь не добрался, с надеждой, что их покормят, упирались рогами в оконце.

Занимал Агафью привезенный мною бинокль. С любопытством разглядывали мы склоны гор за рекой. На темном фоне кедров и елей свежей зеленью выделялись косички берез. В одном месте крутого склона серой полосой тянулся вниз след старого камнепада, а выше и влево где-то скрывалась избушка, в которой Лыковы тайно жили тридцать два года.

– Что там сейчас?

– Не ведаю. Последний раз была там два года назад. Огород зарос березами толщиной уже в руку. В избу, по следам было видно, забегал соболев. Разные другие звери безбоязненно ходят рядом с избой. Кабаргу сама видела. Все тайга постепенно съедает...

На том месте, где обретаеся сейчас Агафья, почти ничего от прежней жизни семьи не осталось. Я видел лишь берестяные туески, старинный ковшик – подарок Агафье матери, да какую-то вышивку сестры Натальи. Все остальное – пришло «из мира»: резиновые сапоги, свечи, ведра, кастрюли, одежда, бочки, часы, мотки проволоки, инструменты... Особня-

ком раньше стояла избышка почти сказочной малости, только без курьих ножек. Под ее крышей в 45-м году Агафья родилась. Потом изба более тридцати лет пустовала. Какой-то охотник позже, разобрав ее и опилив сгнившие по углам бревна, сделал себе зимовье, крошечное и продуваемое ветрами. Все же Карп Осипович с дочерью решились сюда перебраться – очень уж нравилось Лыковым это местечко на солнечном склоне горы. «Они же замерзнут в этом жилище!» – позвонил мне Николай Николаевич Савушкин из Абакана. Когда я тут появился, уже стучали вовсю топоры, и к холодам ребята – лесные пожарные – соорудили избу крепкую и просторную. «Храмина! – гладил бревна старик. – Жить бы да жить!» Но недолго пришлось ему радоваться. Вскоро-сти заболел и умер, оставив Агафье в наследство все, что удалось переправить сюда из убежища на горе. Я успел тогда снять на пленку все, чем пользовались Лыковы в таежном своем хозяйстве. И теперь вот, порывшись в фотоархиве, обнаружил я снимки вещей, какие редко теперь увидишь: сапоги-бродни, старые лыжи, подбитые камусом, всякого рода посуда из бересты, примитивная прялка времен царя Петра Первого, светец для лучины, мотыги, источенные ножи, натальный крест с резными письменами по кедровой древесине...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.